

12+

Светлана ДОТЦ

ПОТЕРЯЕВСКИЕ КАНИКУЛЫ

Светлана Евгеньевна Дотц

Потеряевские каникулы

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64830052

Потеряевские каникулы: Союз писателей; Новокузнецк; 2019

ISBN 978-5-00073-911-2

Аннотация

Какой подросток хочет проводить лето в деревне, где нет ни Интернета, ни компьютера, даже телефон – и тот не ловит? Но у Василисы все каникулы проходят одинаково. Вот и в этом году она отправляется к бабушке в Потеряевку – местечко, куда дорогу не каждый сыщет. Странные события начинают происходить, стоит девушке оказаться вдали от цивилизации. То невиданное существо обнаруживается в сарае, то писанный красавец в окрестностях появляется и на прогулку зовёт, а то и вовсе приключения начинаются, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Герои старинных преданий готовы показать себя той, которая может совершить настоящее чудо. Силы природы покоряются человеку с чистым сердцем. Первая любовь будоражит кровь и дарит мечты. Готовы узнать, какие сюрпризы приготовили последние детские каникулы?

Содержание

Прибытие	5
Открытие	12
Знание	23
Встреча	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Светлана Дотц

Потеряевские каникулы

© Дотц С., текст, 2018

© Дьяченко А., иллюстрации, 2018

© Издательство «Союз писателей», оформление, 2018

Прибытие

Мама везёт меня к бабушке. Как только начинаются летние каникулы, она говорит: «Отвезу нашу Василису премудрую к маме, пусть воздухом чистым подышит». Весьма поднадоевший, но обязательный ежегодный вояж. В помощь моим лёгким и единственной бабушке.

Кстати, своим именем я обязана как раз бабушке. А то, что в школе меня с первого класса зовут Васей, ни её, ни родителей не волнует. (Впрочем, я тоже смирилась с этим где-то к концу начальной школы.) Определения же к моему имени зависят от родительского настроения. Бываю «прекрасной», «несчастной», «упрямой» и так далее.

Доехать я и сама могла бы, ничего трудного. На поезде от Москвы до станции Вековка без единой пересадки. А там пешком или на попутке по лесной дороге до самой деревни. Ну, часа три с вещами, если пешком. Зато какая красота кругом! Леса! Леса!

Но именно за эту дорогу через лес родители всегда волнуются. Поэтому мама и сопровождает меня к бабушке.

На станции мы единственные прибывшие пассажиры. Зато отъезжающих и провожающих человек пятнадцать. «Подождем, – говорит мама, – может, с кем-нибудь по дороге будет». Нам везёт, один из провожающих, мужчина лет сорока, едет в Мартыновку, которая примерно на полпути к

нашей деревне. Мужчина разговорчив, и уже через пару минут мама и я в курсе семейных проблем, приведших его на станцию.

Попутчик кладёт наши вещи в багажник старенького «москвича», и мы трогаемся в путь. Проехав с километр по единственной асфальтовой дороге, сворачиваем на лесную грунтовку. Её ещё называют «дорогой пяти деревень». В каждую деревню зазывает свой особенный указатель, установленный на обочине, и менее накатанная дорога. Насчёт особенных указателей я не преувеличиваю. Деревенские умельцы, стараясь перешеголять друг друга, создали настоящие «шедевры» из дерева. Конечно, было это давным-давно, но почти все указатели сохранились. Самих же деревень с дороги не видно, они прячутся в лесу.

– Так вы в Ульяновку? – спрашивает мужчина, когда мы проезжаем первый указатель в виде сидящего на задних лапах медведя с большим, украшенным резьбой плоским кругом, на котором вырезана весёлая надпись «Коржики».

Мартыновка следующая, но нам, увы, надо дальше.

– До конца, – говорит мама. – Может быть, подвезёте?

– Куда? В Потеряшку? Ну, нет уж. Нет. До Ульяновки – так и быть – подкину, а дальше, нет, – мотает головой водитель.

– Спасибо и на этом, – мама незаметно усмехается. – Хотя там от Ульяновки каких-то пять километров.

– Не скажите. Три раза туда ездил и всегда несколько ча-

сов по лесу петлял. Причём во всех трёх случаях по-разному. Потеряшка, она и есть Потеряшка.

– Потеряевка, – поправляет мама.

Я молчу. Всегда одно и то же: никто туда ехать не хочет, все теряются, до ночи петляют и часто деревню так и не находят. Ерунда какая-то. Зато местные или такие, как я, родственники, за полчаса от указателя до деревни добираются.

Проезжаем поворот на Мартыновку. Деревянный мужичок в длинной рубаше и лаптях играет на балалайке. Причём кисть его правой руки закреплена так, что при малейшем ветерке двигается вверх-вниз. Короче говоря, создаётся впечатление, что мужичок, действительно, играет. И стоит эта «народная скульптура» на большой надписи «Мартыновка».

Мужчина смотрит на маму и говорит:

– Не обижайтесь, конечно, но с вашей деревней дела нечистые. Это всё из-за бабки Вассы. Она, говорят, ведьмой была.

– Чепуху повторяете, – неодобрительно качает головой мама. – Травницей она была. Люди со всей области приезжали за помощью.

– Приезжали, как же. Доезжали вот только не все. Сколько таких по лесу искали, всё их нечистый вокруг деревни водил.

– Тех, кого нечистый водил, потом в милицию пересажали. Никакие они больные и не были, всё иконы по заброшенным деревням искали да воровали.

Мама замолкает, потом говорит укоризненно:

– А Вы, между прочим, тоже к ней приезжали с матерью

больной. И Васса её на ноги подняла. Я помню Вас.

— Было дело, — соглашается мужчина. — Я вместе с вашим деревенским ехал, дедом Иваном, он мне дорогу показывал. Единственный раз, когда доехал быстро. Потом, как ни пытался, меньше двух часов не петлял. А один раз вообще деревню не нашёл.

Чуть помолчав, он добавил:

— Матери старуха тогда очень помогла, ничего против этого не скажу. Только в дом меня не пустила, в машине ждал.

Бабка Васса — это «душа» нашей деревни. Так говорит моя бабушка. Васса умерла в прошлом году, и я подозреваю, что было ей далеко за сто. Высокая, статная и проворная, несмотря на преклонные годы, о которых, впрочем, говорить никто не решался. Свои длинные волосы она всегда заплетала в косу и укладывала вокруг головы. Она редко носила платки, не любила их. Говорила, что волосы должны жить на воле, дышать воздухом и впитывать солнечный свет. Однажды я видела, как она их расчёсывала, густые, снежно-белые, будто волосы снежной королевы. Я тогда подумала, что мне с моими тремя волосинами только стричься. Именно это теперь и делаю.

Ещё у неё были чёрные глаза. Они не потеряли свой цвет от старости, не поблёкли, как у большинства стариков. Когда она улыбалась, в них прыгали жёлтые искры. Это завораживало. Хотя моя бабушка говорит, чтобы я не сочиняла, уверяю, что так было. Я видела.

Васса знала всё о травах, цветах, деревьях, о домашних и диких животных. Догадываюсь, что она знала ещё много такого, о чём я и понятия не имею. Она не была ведьмой. Скорей, кем-то, чьи силы питает сама природа, кто сам является порождением природы. Однажды она просто вышла из леса в короне седых волос, окружённая свитой из оленей, лис и медведей, и осталась жить в нашей деревне. Так мне видится.

За окном мелькает указатель на «Жалово». Вот где разгулялась фантазия ваятелей! Большая свернувшаяся кольцами змея (плоская, правда) и надпись вместо языка.

Что-то я задумалась или заснула, не пойму. Теперь остаётся Ульяновка, самая внушительная из пяти деревень. Относительно, конечно. Деревеньки-то обезлюдели сильно за последние годы. Молодёжь осталась только в приезжающем на каникулы виде, как я. Но зато в Ульяновке есть магазин и начальная школа, а ещё клуб, правда, весьма дряхлый. Интересно, в школе учится кто-нибудь? Сомневаюсь...

Наш добрый водитель всё-таки проезжает три лишних километра от красавицы девицы с коромыслом, на котором написано «Ульяновка», до указателя на Потеряевку, вернее, до того места, где он когда-то был. Полное соответствие названию: был указатель – и нет, потерялся. Только красивый резной столб стоит. Мы уже почти по-приятельски прощаемся с водителем симпатичного оранжевого «москвича» и дальше идём пешком.

Ну, здравствуй, мир, замечательный, но дикий! И, к большому моему сожалению, прощайте, интернет и мобильник! Для связи с внешним миром только «Почта России», которая, понятное дело, тоже в Ульяновке.

Тяжёлые сумки не мешают мне размышлять, и я улыбаюсь своему будущему. Но не тому, что ждёт меня теперешним летом в Потеряевке, а тому, что будет потом, через год. Как-никак это мои последние каникулы в знакомой лесной глуши.

Вот выучусь на юриста или компьютерщика, буду сидеть в современном офисе на последнем этаже и решать всякие хитроумные задачи. Выбрать бы только. Вообще-то, не мои это идеи, а родительские. Я же пребываю в некоторой растерянности относительно своего грядущего. Но мысль насчёт офиса мне нравится. Ведь именно там я познакомлюсь с очень умным и очень красивым современным принцем. У него будут белокурые волосы, спортивная фигура и стильные очки. Почему очки? А как же без них солидному руководителю?! Мы влюбимся друг в друга с первого взгляда и проживём долго и счастливо. Как мама и папа.

Мои родители познакомились в поезде, который проходил через Вековку в Москву. Папа ехал из Арзамаса, а мама села на станции. Больше они никогда не расставались, не считая, конечно, тех дней, когда кто-нибудь отвозил меня в Потеряевку. Я родилась в Москве, но каждое лето сначала с родителями, а потом и сама жила в деревне. Причём столь-

ко, сколько позволяло время и родительский приговор.
Но всё когда-нибудь заканчивается. И это супер!

Открытие

Сижу в сарае, зеваю. Солнце едва встало, и я тоже. Выглядываю в маленькое окошко и замечаю, что зеваю вместе с солнцем. Ещё бы, такая рань! «Спасибо» бабуле: «Вставай, скоро цыплята начнут вылупляться». И это летом. На каникулах. В полшестого утра.

И вот я сторожу ящик из-под лука, в котором куриное гнездо с тремя яйцами. Курица сбежала в последний момент, не захотела досиживать. Пришлось пристроить мощную лампу и «досиживать» самим. А сторожу ещё и потому, что есть Годзилла – огромный рыжий бабулин кот, который пробирается всегда и всюду.

Но яйца какие-то непонятные. Одно крупное, точно не куриное. Темнит бабуля, опять яйцо из леса принесла. Хоть бы змея не вылупилась, как в прошлый раз. Единственная радость – крокодилы в этой местности не водятся. Вроде бы...

И тут странное яйцо шевелится. Покачивается. Ага, трещит! Может, отойти на всякий случай? Да ладно, кто бы там ни был, он ведь маленький.

Яйцо трещит сильнее и разваливается.

Мне сразу становится понятно, почему сбежала курица. Предчувствие её не обмануло. Я бы и сама сбежала, да ноги к полу приросли. И дар речи пропал. Стою, потрясённая, испуганно смотрю на «цыплёнка». Маленькое лохматенькое

существо, глазастое, ушастое, с длинным тонким хвостом. Хвост шевелится, уши тоже. Глаза глядят не мигая. Даже ресницы есть. И нос как у ёжика. С ума сойти!

А вот и Годзилла. Крадётся, сопит от счастья и нетерпения. Он всегда сопит, когда чует добычу. Глаза сощурил, уши прижал, хвост дрожит мелкой дрожью. Вот и кончик языка показался – последняя стадия озверения. Сейчас прыгнет.

Дар речи внезапно возвращается, и я ору:

– Брысь!

Но поздно, Годзилла уже в прыжке. И тут маленькое и лохматенькое существо верещит:

– Брысь!

У меня опять пропадает дар речи, а Годзилла замирает в полёте, перелетает гнездо и пикирует на пол. Шлепок просто супер! Торжествующее злорадство овладевает мной, и все страхи тут же исчезают. Вылупившийся смотрит на кота и опять верещит:

– Брысь!

От этого Годзилла приходит в себя и исчезает. Как обычно. Он это умеет.

Всё длится секунды. Существо таращится своими немигающими глазами. Непонятные глаза, большие и тёмные. Становится как-то жутко.

– Это Годзилла, – говорю я, – бабулин кот. Мой папа его так назвал.

Существо продолжает молча смотреть на меня.

И тут очень кстати ещё одно яйцо лопаётся. Маленькое и лохматенькое переводит свой немигающий взгляд на него. На моё счастье, вылупляется обыкновенный цыплёнок. Существо шевелит носом, принюхиваясь к новому соседу, и, недовольное, перебирается на другой край гнезда. Никак не пойму, какого оно цвета: бурого, что ли. Двигается на задних лапках, похожих на мышинные. Присмотревшись, я обнаруживаю, что его передние конечности совсем как человеческие, даже с пятью пальцами. Только на каждом пальце мышинный коготок. Осторожно освободив мокренького цыплёнка от остатков скорлупы, я выбрасываю её через дверь во двор. Тут и последнее яйцо доспевает. Дождавшись второго цыплёнка, прикрываю новорождённых, то есть новолупленных, приготовленным заранее куриным пухом. Лампа плюс пух – продержатся, пока бабушка придёт. Там она сама разберётся, что с ними делать. Может, соседке отнесёт: у неё курица на гнезде. Может, свою заставит потомством заниматься, а может, так оставит.

Потом я смотрю на существо. С этим-то что? Куда девать? Вдруг оно питается маленькими цыплятами? Но тут же одёргиваю себя: какими цыплятами, оно ростом чуть больше их. В общем, стою я в полной нерешительности. И тут существо опять верещит:

– Фи-и-и-и-и-и-с-с!

Чего оно хочет? Ну и вопли!

– Ф-и-и-и-и-и-с-с!

Домой оно хочет, вот чего! Я бы отнесла, да не знаю куда. И бабули нет.

– Ф-и-и-и-и-и-с-с!

– Да не знаю я, где твой дом! – мне уже хочется уши заткнуть, до того противный и громкий у него голос.

В открытую дверь начинают заглядывать куры, пытаюсь понять, откуда раздаются истерические вопли. Ещё немного, и у меня тоже будет истерика.

Существо внезапно замолкает и принимается усиленно нюхать воздух. На улице куриный переполох. Куры кудахчут все разом и явно напуганные бегают по двору. Ну что там ещё? «Сумасшедший день», – думаю я.

И в это время в сарай входят (именно входят, как самые обыкновенные люди!) два таких же существа. Хотя нет, как самые НЕобыкновенные люди. Один заметно прихрамывает. Гости останавливаются недалеко от входа и начинают оглядываться. Я даже не испугалась (вру, пожалуй). По виду они точные копии моего «цыплёнка», только увеличенные. Такие же лохматые, ушастые и глазастые. Так же двигают носами, принюхиваясь, и ушами, прислушиваясь. Их хвосты покачиваются вверх-вниз, как... как... не знаю, как что.

Они оглядывают сарай, гнездо, меня и ещё раз сарай. Потом тот, который толще, лохматей и не хромает, произносит:

– Ну что? Я тебе говорил, чьи это проделки?

Хромой согласно качает головой:

– Вечно эта Карповна по лессу шасстает и тянет домой всё подряд. Ведь сколько раз уже у неё яйца забирали. Всё бедных птенчиков спсасает.

– Сспасссительница, – ехидно поддакивает толстый.

Они разговаривают с каким-то лёгким присвистом и явно меня игнорируют.

– Карповна – моя бабушка, – не выдерживаю я. – Забирайте вон своё яйцо, а вернее, то, что из него вылупилось, и не надо обзывать.

Теперь обижаются «гости».

– Не пугай маленького, чего орёшь? – стыдит меня толстый.

– Это я ору? – возмущаюсь. – Да ваш «маленький» своими воплями всю деревню распугал.

Хромой, ковыляя, приближается к столу, на котором стоит ящик-гнездо. «Новорождённый» свешивается с его края и отчаянно машет хвостом, всем своим видом выражая радость. Видимо, из-за этого он и теряет равновесие. И кто же его ловит? Конечно, я. На лету. Но за хвост. Раздаётся сразу три вопля. Даже не скажу, чей был громче. Наверное, всё-таки малыша. Я опускаю его на пол и думаю: «Мне конец».

Но лохматые не обращают на меня внимания. Они по очереди прижимают своего отпрыска к себе, ощупывают его и поглаживают. И так напоминают людей при этом, что у меня дух захватывает. Наконец толстый сажает мелкого себе на шею, и тот хватается своими лапками (руками?) за длинную

шерсть на его голове.

Хромой поворачивается ко мне.

– Спассибо, – говорит он, – что поймала. Только за хвост больно.

Я развожу руками:

– Так получилось. Извините.

Они идут к выходу.

– А вам куда? – спрашиваю я. Не знаю зачем.

– В березняк, конечно, – бурчит толстый, не оглядываясь.

Березняк относительно далеко. За огородами – овраг, за оврагом – кладбище и сразу молодой соснячок. Только потом, где-то через километр, начинается березняк. Я смотрю на хромого лохматика, и у меня вырывается:

– Давайте подвезу.

Жалею почти сразу, испугавшись чего-то. Но поздно. Как говорится, слово не воробей...

Хромой оглядывается и останавливается.

– У тебя машина, что ли?

– А вы и про машины знаете? – удивляюсь я.

– И про машины, и про ссамолёты, и про телефоны, и про компьютеры, и про кока-колу, и про «висскасс». У тебя нет «висскасса»?

– Есть. Годзиллу подкармливаем. А вам зачем?

– Погрызть. Нам нравится, особенно, еесли вкусс рыбный.

Вот это да! Моему удивлению нет предела!

Толстый тоже останавливается и спрашивает, почёсывая шею:

– Ну, на чём поедем-то?

– На велосипеде. Сосед бабуле велосипед отдал. Старый, конечно, но на ходу. И корзина для продуктов есть. Вы в ней поместитесь, – заканчиваю нерешительно, вдруг обидятся. Но они дружно кивают:

– Едем.

Я закрываю сарай, предварительно проверив его на предмет присутствия Годзиллы. Вывожу из бывшего гаража велосипед с огромной плетёной корзиной вместо багажника. Дядя Коля, сосед через дорогу, сам сплёл её и на велосипед прикрепил, чтобы в соседнюю деревню за продуктами ездить. Здесь-то, в Потеряевке, магазина давным-давно нет. Я теперь тоже продукты вожу, пока у бабушки обитаю.

Дом не запираю: никто в эту глушь, кроме своих, не заберётся. Подгоняю велосипед к лохматым гостям.

– Сами залезете или посадить вас? – спрашиваю.

– Ссажай уж, только оссторожно. И за хвост не трогай.

Поднимаю сначала хромого – аккуратно, как ребёнка. Мягкий он, оказывается. Шерсть тонкая, но густая. Приятная даже. Сажаю в корзину. Затем малыша ему подаю. Тот разоспался совсем, сопит, как котёнок. Потом толстячка, этот тяжелее всех. Ничего, удержала. Ну и пакетик «вискаса» рядом с ними ставлю. Лохматые довольно носами задвигали, даже посвистывать начали.

– Ну, всё, – говорю.

И мы поехали.

С дорогой мне повезло. Это обратно всё в гору будет, а к березняку больше под горку. Так что груз я осилила, только через овраг по старому мостику (одно название) велосипед вручную перевела.

Вот и соснячок закончился, берёзы пошли. Значит, прибыли.

Березняк – место красивое, светлое. Люблю его. Но никогда таких лохматых существ не встречала.

– Точно здесь живёте? – спрашиваю.

– Здессь, здессь, высаживай уже, – говорит толстый.

– Что-то я вас в этом лесу никогда не видела, – высаживаю их в обратном порядке, начиная с «вискаса».

– И что? Медведя видела? – спрашивает хромой.

– Здесь? Нет.

– А он есть. Вон, из-за берёзы смотрит.

Я так резко поворачиваюсь, что едва не падаю. Но медведя нет. Существа начинают качаться из стороны в сторону и посвистывать:

– Фисс-фисс-фисс...

Смеются, значит. Шутники.

Я разворачиваю велосипед.

– Всего хорошего! Можете не благодарить.

– Привет Карповне, – машет лапой-рукой толстый.

– От кого же?

– Она знает от кого. Сспассибо, что подвезла, – говорит хромой.

И они идут в лес. Толстый с малышом на шее, хромой с пакетом «вискаса». А я еду домой. Всю дорогу с досадой вспоминаю, как они напугали меня медведем.

Бабушка ходит по двору и приманивает курицу. «Значит, хочет её к цыплятам вернуть», – думаю я, заводя велосипед в гараж. Но у курицы, судя по всему, такого намерения нет.

– Тебе привет, – говорю бабушке. – От пары лохматых из березняка.

Бабушка и бровью не ведёт, не то чтоб удивиться.

– Сильно ругались за яйцо?

– Да нет, назвали спасительницей и сказали, что ты ша-стаешь и тянешь всё подряд.

– Ну их, – бабушка в сердцах толкает подскочившего Годзиллу. – Всё время у них яйца разные и попадают, где попало. Я думала, птица какая потеряла.

– Бабушка, ты скажи мне, почему я о них никогда ничего не слышала? Кто они? – требовательно спрашиваю я.

– Да много ты чего не слышала, про всё рассказывать, что ли? – заявляет моя собирательница яиц. – Этих мы свистунами называем. Заметила, как они свистят-фистят?

И бабуля идёт в дом.

– А медведь в березняке есть? – кричу ей вдогонку.

– Конечно, – доносится уже из дома.

Знание

– Бабушка! Ты где?

– Матрёна цыплят взяла? – вопросом отзывается из курятника бабушка.

– Да, да! И курица приняла, всё нормально.

– Чего тогда кричишь на весь двор?

– Ксюха приезжает завтра!

– Оксана её зовут. Что за Ксюха? Слово какое-то, будто муха. Она же тебя насекомым не называет, – бурчит бабушка, появляясь из дверей.

Ксюха, как и все, называет меня Васей, но не при бабушке. Поэтому не спорю.

– Оксана, кстати, о свистунах знает.

– Знает? – я не скрываю разочарования. – Давно?

– А с прошлого лета, как ты уехала.

– Бабуля, – начинаю очень серьёзно. – Почему никто о них не рассказывал? Почему ты мне не рассказывала? Почему сейчас ничего не рассказываешь?

– Слишком много «почему», – бабушка пытается исчезнуть в доме.

Но я догоняю её и хватаю за руку.

– Ладно, – говорит бабушка. – Запомни такое наше правило: всё, что тебе надо знать, ты узнаешь в своё время. Ни раньше, ни позже. Если оно тебе откроется, значит, время

пришло. А до этого никаких разговоров.

– Что откроется? – не понимаю я.

– Знание.

– И много в Потеряевке таких знаний?

Бабушка строго смотрит на меня:

– Достаточно. И некоторым за всю жизнь ничего не открывается.

– То есть говорить об этом со мной никто не будет?

– И ты не будешь. Правило такое. Васса так учила.

– Ну, если Васса, тогда ладно, – нехотя соглашаюсь я.

Встреча

Ксюха – подруга моего детства, юности и вообще... сестра на всю жизнь. Мы одного роста и одинаково «тощие» (бабушкино выражение), волосы у нас одного цвета – светло-светло-русые, только у Ксюхи длинные и густые, а у меня короткие и... не буду о грустном. Да ещё глаза у меня серые, а у Ксюхи – голубые. Каждый божий год нашей жизни мы встречаемся в Потеряевке, и это один из немногих плюсов моих летних поездок. Самый большой плюс! (Да не обидится бабушка.)

Довольные встречей, счастливые и свободные, мы с Оксаной на всех парах несёмся в березняк. На велосипедах. Орём и визжим во всё горло. Лето! Солнце! Каникулы! Нет, мы не нарушили главного правила и ни о чём запретном не говорили. «Покатаемся!» – предложила я. «В березняк», – закончила Ксюха. Вот и всё. Всегда понимали друг друга с полуслова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.